

**Владимир
ВЕЩУНОВ**

г. Нижний Новгород

ПЕБНЯ ПАРАГВАЙСКОГО ПЕТУШКА

рассказ

С недавних пор в Каменеже объявился странный слепой. Обычно такие ходят с поводьями. А этот вёл себя шибко самостоятельно. Классический тип слепца: всегда в чёрном длинном плаще, шляпе, круглых тёмных очочках и с неизменной палочкой. Отгороженные непроницаемой стеной от суетного мира, погружённые в безмерные глубины человеческого «я», слепые Вадиму казались таинственными. Они с неохотой доверялись людям, которые предлагали им помощь. Этот же чуть не ткнул Вадима палочкой, когда тот бросился переводить его через улицу. Он сам пошёл так, как шагает Пётр I на картине Серова: он — и весь мир за ним! Невозможно было поверить, что он не видит, напротив, слепой казался всевидящим и всезнающим. Однако же едва не сверзнулся с лестницы музыкального магазина, откуда гордо вышел с пластинкой. Вадим кинулся к нему, чтобы помочь сойти со ступенек. На этот раз слепой не прогнал его. Когда они спустились с лестницы, слепец погладил пластинку: Франц Шуберт. Рапсодия «Вечный Жид» — и представился:

— Агасфер!

После этого Вадим не встречал безумца, словно не было никакой тайны, словно разоблачилась она и скрылась. Верно, к наполеонам присоединился ещё и Агасфер.

Вадик перешёл в пятый класс. И папка с мамкой засобирались в город: поставить сына на ноги, вывести в люди. Там десятилетка, а в Нице всего четыре класса. Даже электричество ещё не провели. Вечеряли при керосинках.

Как щемило сердце в последний день при расставании с родной Ницей! Плакал навзрыд в прибрежном тальнике. Едва отыскали.

Утренняя заря опала прахом, подобно зольной куче. К ней брёл любимый Вадькин Петя-петушок, прихрамывая, пришаркивая. Поникший, смятый гребень болтался, будто тряпичный колпак. В золе копошились куры. Зябко поёживаясь, жались друг к дружке, зарываясь в золу, точно она хранила ещё печной жар, будто огородами крался уже первый заморозок. Тоскливый петух, зябкие курицы... Последний день на исходе лета. Потемневшие палисадники холодным августовским утром. Пёсик-брехунок едва слышно поскуливал

подкрылечным старичком об уходящем лете.
Одиночество сквозило по безлюдной улице...

Долго привыкал к новой школе, к дворовой пацанве. Пообвык, втянулся в городскую жизнь. И неугомонные родители подались на севера зарабатывать на квартиру. На родительском собрании классная по секрету сообщила Шевелёвым, что их Вадик засматривается на девочек. Да, взглянул разок на Лизку Телегину, да и то мельком. Вон Кузя, бабник, тискает девчонок по углам — и хоть бы хны! А тут сразу сплетни!..

Приздумались предки: повзрослел сынок, тесна однушка, да и неловко уже...

Для пригляда привезли баушку Груню: в деревне бабушек звали баушками. Неделю не выдержала крестьянская душа городских благ. Великодушно, с удовольствием посадил баушку внук на автобус до Ницы.

Во Франции есть курортный город с похожим названием Ницца. Да разве могут сравниться какие-то зарубежные курорты с уральской Ницей! Милая, ласковая речка. Белоснежные кувшинки в тихой заводи. Утиная семейка с зелёно-золотым селезнем. Купание ребятишки. Вскипала тогда Ница. День-деньской пропадали ребятишки на речке. И Вадька с ними. Не чужак, свой. Каждое лето приезжал как на праздник. Солнечное счастье! Да разве можно описать Солнце!..

Бабка Груня приняла в дом примака. С дурным глазом, себе на уме. Невзлюбил красавца петуха.

Огненный, прямо-таки жар-птица, взлетал ранним-рано на забор и возвещал утро, горнил. Иногда на скакивал на идущих мимо по большаку худых людишек, которых недолюбливали в деревне. На пьянчужек, воришек, сплетниц, хвастунов-гордецов, скряг-куркулей... Разбирался в людях! Не раз покушались на него, требовали, чтобы Груня употребила забияку в суп. Да живуч был царь Пётр!

На чёрное дело решил примак. Подло подкрался к Пете, накинул на него зипун и поволок к лобному месту. Бьющегося, орущего прижал к колоде и отрубил голову.

Всполюшилось подворье, взорвалось! Замычала, со стоном, с хрипом, трубно закричала Майка в стойле. Резано завизжал боров Борька. По-детски захныкали, заблеяли овечки. Загого-

тали гуси, заклохотали куры, закрикала утва. Залаляли в деревне собаки.

Без головы, разбрызгивая кровь, подскакивая, хлопая крыльями, бежал к Вадику любимый его петух. В ужасе отскочил мальчишка к калитке. Через неё вылетел безголовый на большак и скрылся в тальниковых кустах.

С той поры Вадька в деревню не приезжал. Его будто подменили. Активист, с кислой ухмылкой уклонялся от школьных мероприятий: от физкультурных пирамид в честь Великого Октября, где возвышался на пике, отлынивал от спевок сводного хора, где солировал.

*Мы кузнецы, и дух наш молод!
Куём мы счастья ключи,
Вздёмся выше, наш тяжкий молот,
В стальную грудь сильней стучи,
стучи,
стучи!..*

Как гулко бил себя в «стальную» грудь «кузнец»-запевала!.. И вот прослыл уклонистом. За кислую мину прозвище отхватил — Шавель. Классная, русыня, называла его нигилистом. На это Шевелёв отвечал, что он реалист. И реально оценил предложение сыграть в сценке по рассказу Чехова «Толстый и тонкий». Ведь в нём его жену Луизу играла её тёзка Лиза Телегина. Сыном к ним русыня назначила бабника Кузю, Димку Кузнецова. Толстяк Чибисов, естественно, стал Толстым. Расстарался Тонкий над своим художественным образом. Скроил из картонки картуз с высокой тульей, к пиджаку пришил фалды, надел допотопные отцовские штиблеты. Всё чин чинарём! До мхатовского блеска отрепетировал свою роль перед трюмо.

Занавес чуть раздвинулся. Под важной поступью увальня Чибиса жалобно заскрипела половица, как бы начиная сценическое действие. Чибис сыто икнул и блаженно зажмурился, точно кот после сметаны. Провёл ладонью по пухлым губам, самодовольно похлопал по пузу, «обогащённому» подушкой. Раздались одобрительные хлопки. Арти-ист!..

В раздвигающемся занавесе чуть не запутался Шавель, с чемоданом, навьюченный узлами и коробками. Телега, с «гермитником» на голове, вся в оборках и рюшках, презрительно поджала

губки и по-лютерански шикнула на нерасторопного муженька:

— О, майн гот! Доннер веттер!

Ни в какие чеховские ворота подобная отсбятина не лезла. Однако режиссёрша русыня одобрила творческое новаторство актрисы Телегиной. Ведь и Антоша Чехонте был горазд на выдумку.

Кузя свою школьную форму трёхлетней давности подогнал под гимназическую царских времён. На тулье фуражки и на бляхе ремня прищипандорил по двуглавному орлу из шоколадных золотинок. В отличие от «муттер», он скрупулёзно придерживался Чехова. Долговязый, гусаком вытягивал шею, сощуриваясь в зрительный зал.

Вся эта минутная прелюдия смахивала на готовую интермедию, и зрители заплодировали, как после первого акта. Вдохновлённые благодарной публикой, Порфирий и Миша со звонкими чмоками начали лобызаться. При этом Миша изрядно помял своего стародавнего приятеля и чуть не оторвал у него фалду. Друзья детства радостно делились воспоминаниями о гимназических годах, как их дразнили. Миша покуривал и учебник папироской прожог — Герострат! Порфирий ябедничал — Эфиальт. Куряка, ябеда — всё как обычно. И играть не надо! Урождённой лютеранке Ванценбах и ученику третьего класса Нафанаилу не хотелось выглядеть статистами. И они приняли верное сценическое решение: наблюдали за встречей друзей, как футбольные болельщики за матчем чемпионата мира. Вытягивали шеи, всплёскивали руками, пучили глаза, разевали рты. И вообще корчили рожи. Умора!..

Выяснилось, что друзья детства находятся на разных ступенях чиновной лестницы. «Одержимое холопским недугом», семейство Тонкого сникло. Начало подобострастно кланяться вельможе, противно, по-китайски хихикать.

Директриса похвалила артистов и объявила всему залу, что советская власть изжила пережитки прошлого и покончила с таким общественным пороком как чинопочитание.

«Народная» слава превратила Телегу в Луизу, Щавеля в Порфирия, Чибиса в Мишу, Кузю в Нафаню. В дни празднеств и торжеств спектакль «Толстый и Тонкий» был нарасхват. В день всенародных выборов блеснул на четырёх избира-

тельных участках. В санатории довелось играть после концерта известного композитора Евгения Родыгина. Хорошая песня «Уральская рябиношка», душевная и даже с юморком.

*Ветер под кудрявою
Треплет без конца
Справа кудри токаря,
Слева кузнеца.*

Конечно, «Толстый и Тонкий» не мог превзойти всенародную любимую песню, но внёс свой существенный вклад в культурно-оздоровительный процесс санатория. Больше смеха — больше здоровья!

Праздник меломанов! Приехал областной театр оперы и балета. Давали «Евгения Онегина». Русыня повела своих во Дворец культуры металлургов — грандиозный, с колоннами, лепниной, в мраморе!

Великое творение мировой культуры Пушкина и Чайковского, прославленные тенора, басы, контральто из уральской столицы! А семиклассники расшалились как дети. Болтали, смеялись; мальчишки пощипывали девочек, те повизгивали, убегали. Начинались догонялки, беготня по всему бельэтажу. Сгорая от стыда за своих невоспитанных учеников, русыня гонялась за безобразниками, пытаясь их утихомирить. И Порфирий бегал за своей Луизой, прижал в уголке, хотел поцеловать: жена всё-таки!.. Ахнула русыня:

— Шевелёв! Телегина!..

И все замерли.

На сцене в крестьянских нарядах запел хор девушек. Да так красиво!

*Девушки-красавицы,
Душеньки-подруженьки...*

Ай да Пушкин! Новатор! Заинтересовался Вадим романом, да ещё в стихах! Копнул глубже: оказалось, девушки пели по принуждению, чтобы лишней ягоды не съесть. Ну и куркули крепостники Ларины! А Онегин вообще жлоб! По-хамски отчитал Татьяну, Ольгу всяко обозвал: глупая луна на глупом небосводе, жизни у неё в глазах нет. Да у самого — никакой жизни! А Грёмин ещё оправдывался перед этим хлыщом:

«Онегин, я скрывать не стану...» Мотив арии запомнился. Что-то есть в классической музыке. Не раз взрывался переполненный зал овациями. Не дураки же люди? Разбираются...

Уже не ребёнок, но порой ходил Вадим в детский кинотеатр «Горн». Иногда там показывали интересные кинохи, да и билет — десятчик. Пошёл на «Золотую антилопу»: добрый, красочный мультфильм! Перед мультяшной сказкой дамочка по воспитательной работе рассказала сказ Бажова «Марков камень». Взрослые страсти-мордасти о похотливой барыне-крепостнице и непокорном Марке Береговике. Едва унесла ноги его семья от самодурки. В вольную Сибирь подались... И такое — детям! Потрудились на воспитательной ниве дамочка!

После неё на подвешенном к потолку экране детям показывали «Новости дня». Вступление к хронике событий поразило Вадима. Играло пианино с оркестром. Музыка словно возносила к небесам, аж дух захватывало!.. Мелодия звучала и звучала в голове. Дома Вадим без конца напевал её, размахивая по-дирижёрски руками. И с этой неизгладимой мелодией направился в музыкальный магазин. Чтобы продавщица не подумала, что он сумасшедший, посмотрел ей прямо в глаза и, размахивая руками, напел сроднившуюся с ним мелодию. Продавщица улыбнулась и достала с полки пластинку в конверте с портретом Чайковского.

Дома бережно вынул пластинку из конверта, огромную в диаметре, долгоиграющую, Апрелевского завода. На жёлтой круглой наклейке прочитал: «П.И. Чайковский. Первый концерт для фортепьяно с оркестром. Симфонический оркестр Московской филармонии. Дирижёр К. Кондрашин. Э. Гилельс, фортепьяно». С замиранием сердца положил пластинку на диск проигрывателя.

Гимн солнцу. Величественная музыка явила зримую картину — небесный окоём над Ницей. Солнечное счастье детства... Да разве можно описать Солнце!.. Тихий напев струнных — словно ласковое течение речки. Нежный ветерок над лугом. Далёкий костёр. Мальчишки в ночном. Спыхи зарниц. Тревожность ночи. Рассвет над Ницей. Луговой простор. Полёты журавлей. Травы серебрятся в росе. Табун коней летит, гривастый, как вихрь. Солнце в зените —

ослепительный мир! Деревня золотистая, вечерняя. Девушки в крестьянских нарядах плетут венки из полевых цветов, танцуют, хороводят. Прошлое и настоящее... Словно волны прожитого юношеского моря, бились зори о горизонты. Юные зори, жаркие зори...

Полётная сила великой музыки вознесла его к музыкальному магазину. Отдел грампластинок был забит эстрадой. Имелось местечко и для народной музыки. В углу уютилась классическая. Как пирожки раскупались «Ландыши» Гелены Великановой. Песни Эдуарда Хиля, Ружены Сикоры, Майи Кристалинской. Удовлетворённые «эстрадники» рассеялись, и продавщица обратила свой взор на Вадима. Узнала, виновато улыбнулась:

— Вам Чайковского? К сожалению, новых поступлений нет. А вы возьмите Мусоргского. Тоже великая классика!

Взял предложенную пластинку: обычного размера, в простеньком конверте.

Постукивая длинной тростью, появился слепой, давешний знакомец Вадима. Со старорезимным поклоном учтиво приподнял шляпу. Вадиму показалось, что он приветствует именно его. Как узнал?..

Разочарованный, направился в главпочтамт. От родителей из Нефтеюганска пришёл перевод. Получив деньги, заметил на столе каталог грампластинок Посылторга. Лихорадочно стал листать. Нашёл классическую музыку, Чайковского. С ритуальным волнением совершал выбор: Второй концерт для фортепьяно с оркестром, Концерт для скрипки, для виолончели; балет «Шелкунчик», Серенада для струнного оркестра; Итальянское каприччио, увертюра-фантазия «Ромео и Джульетта»; пластинки на 78 оборотов, по 30 копеек: Танец маленьких лебедей, Сентиментальный вальс, Грустная песенка. Стрепетом оформил заказ на посылку с наложенным платежом. И превратился в ожидание...

Слушал Чайковского: сердце грустило, печалилось, молило о счастье, радовалось... Лиза обещала прийти в гости. Интересно, понравится ли ей Чайковский?.. Смятенная «Ночь на Лысой горе» Мусоргского тревожила до боли сердечной. Как-то всё сложится впереди? Папка с мамкой застряли на заработках. Бабушка осудила их севера, ребёнка одного оставили. Не ребёнок уже, в

восьмой перешёл... Дикие первобытные пляски на ведьмачьей горе вряд ли понравятся Лизе. Но что-то было завораживающее в этой симфонической музыке! «Тоже великая классика!» — вспомнилась молоденькая продавщица. Разбирается. И «классический тип слепого» разбирается. Агасфер. Неужто и в паспорте у него это имя? Прозвище, наверно. Мрачноватое.

Бабушка упоминала его, сказывая предание об Иисусе Христе. В древней Иудее Иисус помогал бедным, кормил их, лечил. Творил чудеса, ходил по воде и даже оживлял мёртвых! Начальники завидовали, что народ любит Христа. Озлобились, решили убить. Приговорили изуверы к страшной казни — прибить к кресту, чтобы в мучениях умирал. Заставили нести тяжёлый крест на гору Голгофу к месту казни. Измученный истязаниями, еле держался на ногах. Хотел прислонить крест к дому у дороги. Хозяин, иудей-жид по имени Агасфер, прогнал мученика. Божьей карой нечестивцу было суждено вечно скитаться.

Легенды об Агасфере, Вечном Жиде, разошлись по земле. Его изображали художники, о нём написано немало музыкальных и литературных произведений. Окутанный в плотный туман мистики, он беспокоит и нынешние дни. В журнале «Вокруг света» Вадим прочитал о странном случае, произошедшем в Америке. В Анкоридже, на Аляске, в книжное издательство пришёл некий человек и заявил, что он Агасфер. И начал рассказывать о своих странствиях. Редактор пообещал читателям издать серию книг о странствиях Агасфера. В уважаемой газете Шевелёв прочитал любопытную заметку. Во французском Льеже жители стали замечать странствующего по улицам человека в одежде времён Людовика XIV. Говорил на старинном диалекте и путался в своём имени, называл себя то Каспер, то Агасфер. Журналисты пытались узнать, откуда он родом, где живёт и сколько ему лет. Отвечал, что он ниоткуда, безродный, живёт везде и бессмертен до скончания века. Его намеревались поместить в психлечебницу, но он исчез. Объявился в голландском Роттердаме... Шевелёв понимал, что журналоги для увеличения тиража на коленках сочиняют завлекательные истории на потребу.

Дворовый шалопай Гутан, Генка Гудков, но-

сился на гоночном велике, размахивая какой-то афишей, и блажил на весь квартал:

— Гонку выиграл Хаген, Германская Демократическая Республика!

Афиша не имела никакого отношения к немецкому велогонщику. Устаревшая, она изрядно намозолила глаза горожанам на афишном стенде Дома культуры железнодорожников. А три года назад состоялась блистательная премьера спектакля самодеятельного театра «Марк Береговик» по мотивам сказа Бажова. Спектакль сошёл со сцены; режиссёрша, ностальгируя по театральной деятельности, подвизалась рассказывать детям в кинотеатре о Марке Береговике.

Вместо старой афиши появилась новая.

Музыкальный салон
Популярная классическая музыка
в СТЕРЕОзвучании!

Программа:

- 1. Чайковский. Танец маленьких лебедей.**
 - Сентиментальный вальс. Грустная песенка**
 - 2. Римский-Корсаков. Полёт шмеля**
 - 3. Мусоргский. Картинки с выставки**
 - 4. Конкурс знатоков музыки**
- Руководитель М. П. Гасперин**

Вадим несказанно был рад появлению в городе музыкального салона, да ещё со стереопроектором. Даже в музыкальном магазине не было стерео. Надел отцовскую парадно-выходную тройку и с волнением пошёл в ДКЖ, где не раз смотрел фильмы.

Салону выделили бывшую театральную гримёрную. Новый хозяин облагородил эту небольшую комнату. На стенах портреты композиторов. Вдоль стен мягкие стулья. По углам комнатные пальмы в вазонах. Портьеры, чёрное пианино. Стена, для большей акустики облицованная изразцовой плиткой с рисунками скрипичного ключа, нот, музыкальных инструментов. На ней полки с колонками для стереопроектора. И он сам, «Аккорд», на ажурной этажерке с пластинками.

Вадим робко вошёл в «святилище», там ещё никого не было. К 18.30, когда во многих концертных залах мира звучит третий звонок, собралось человек пятнадцать, в основном из музыкального училища. В это сакральное время поя-

вился руководитель салона Матвей Пантелеймонович Гасперин. Одетый во всё дирижёрское, он, казалось, вот-вот начнёт дирижировать. Похожий на стрижа, с лёгким поклоном учтиво поприветствовал собравшихся:

— Добрый вечер, любители музыки! Вы услышите её в превосходном стереозвучании и ощутите дыхание живой музыки.

В его облике и манерах Вадиму увиделось нечто неувлочно знакомое. Тот изящным движением рук, как фокусник, положил пластинку на диск проигрывателя: «Танец маленьких лебедей». Какая восхитительная музыка! Вадим Шевелёв болезненно скривился и сокрушённо сжал кулаки. Как он прежде не слышал это чудо?! Темнота! Деревенский лапоть!..

Отныне он стал слушать музыкальные передачи по радио, где звучала классика. Однажды услышал «Озорные частушки» Родиона Щедрина. Задорная, искристая, плясовая музыка — симфоническая! Написал восторженное письмо композитору. Родион Константинович поблагодарил за добрые слова и удивился, что в далёком Каменеже есть такие юные ценители классической музыки. Как великую реликвию вложил Вадик письмо в семейный альбом: никто не поверит, что ему ответил сам Родион Щедрин!

Руководитель после прослушивания пластинок с его комментариями предлагал поучаствовать в конкурсе знатоков музыки и ставил лёгкие пьески. Вадима удивляло, как «знатоки» из музучилища маются в угадывании самых простейших. И однажды он дерзнул, утёр нос музыкалке. Слёту назвал «Венгерские танцы» Брамса, пятый и шестой, «Марш Черномора» Глинки. Руководитель не преминул укорить профессионалов простым школьником. Польщённый, восьмиклассник Вадим Шевелёв с удовольствием помог Матвею Пантелеймоновичу зачехлить колонки и «Аккорд», чтобы не пылились.

К дому, где жили Шевелёвы, прилегал пустырь. На нём ребячьи боролась, дралась до первой крови, играла в ножички, жмурки, в чехарду, до поздних сумерек гоняла футбольный мяч.

Вадим ребячьи забавы перерос. За пустырьём жила своей жизнью, по-деревенски, слободка. Вадим любил бродить по её тихим улочкам: они напоминали ему Ницу.

Утром продолжалась вчерашняя радость: чудесная музыка, успех в конкурсе, знакомство с Матвеем Пантелеичем, так запросто он просил себя называть. Неизбыточная радость эта наполнилась предчувствием чего-то ещё хорошего. Может, долгожданная посылка пришла? Как ни шарил рукой в почтовом ящике, извещения не было. И быть не могло: почтальонша разносит почту после десяти.

Пошёл в свою «деревню». В бубенцовом звоне золотых шаров и подсолнухов перед набекременной избушкой недовольно кокочет царь Пётр. Огненный, коронованный, он нехотя покидает своих жеманных обожательниц фрейлин. Грудь колесом, шествует, звеня шпорами, тревожа утреннюю благодать своей империи. Косится царственным оком на око небесное, солнце. Удовлетворённо приспускает дымчатые веки и словно шепчет молитву. Вытягивается горном и трубит славу восходящему светилу. Далёкая гора дрожит в короне яркого сияния. Из-за неё выплёскивается огненная лава. Сноп лучей обрушивается на жар-птицу. Вспыхивает она и блещет ослепительно, как само солнце! Ах, царь Пётр! Как будто тот, родной, из Ницы. Выживший!

«Горнист» не только вознёс славу восходящему солнцу, но и добрую весть. Пришло извещение!

Стремглав Вадим бросился на почту. По учебническому билету заполнил бланк о получении посылки. И вот она во всём великолепии! Фанерный ящичек, окантованный штапиками, разукрашенный штемпелями, сургучовыми печатями, переплетённый бечёвкой.

Прибежал домой, отдышался, принялся за священнодействие. Аккуратно, стамеской вскрыл посылку. Снял крышку — дух сосны обвеял лицо. Упаковка с пластинками покоилась в курчавой перине из сосновой стружки. По-детски покрутил на пальце праздничный серпантин. Бережно вынул упаковку, смахнул, сдул с неё стружку. Распеленал пластинки, заботливо, компактно уложенные пирамидкой. Вершину её венчал свежий каталог. Отошёл в сторонку, восхищаясь натюрмортом: почтовый ящичек — искусное столярное изделие; курчавая пахучая стружка пенится в нём; священная пирамида пластинок. И это всё ему, какому-то мальчишке из Каменежа!..

С любовью перебирал, лаская каждую. Среди

них обнаружил которую не заказывал. Наверно, Посылторг ошибся. Изобилие музыки! Какую же слушать? Поставил «Танец маленьких лебедей». Прекрасно!..

На другой день, прослушав всё своё музыкальное богатство, поинтересовался неожиданной пластинкой: «Песня парагвайского петушка», Хосе Асунсьон Флорес. Это был потрясающий подарок Посылторга! Музыка ошеломила. Сердце ранили кличи деревенского петуха, надрывные, со стоном... И вот стремительный бег его, выжившего, полёт!.. Он слушал и слушал «Петушка»...

В столичной газете прочитал: в рамках культурного обмена Министерство культуры пригласило известного парагвайского композитора Хосе Асунсьона Флореса, изгнанного диктатором Салазаром. Композитор-коммунист жил в Аргентине и там создавал свои произведения.

Песня парагвайского петушка... Тоска по родине... Прерии, мустанги гривастые, как вихри; танцы гаучо с возлюбленными...

Как говорится, обещанного три года ждут. Явила себя, ясное солнышко, Лиза! Бросился обнимать. Отстранила, погрозила пальчиком:

— Но-но, Шевелёв!

Видя его огорчение, чмокнула в щёку и шутиливо объяснила свою холодность:

— Урождённая лютеранка Луиза Ванценбах!

Расплылся в улыбке, расшаркался:

— Порфирий!

Расхохотались, обнялись по-дружески. Давно не виделись. Обоим стало легко. Лиза принесла кекс к чаю, почаёвничали, посудачили об одноклассниках. Вадим засмотрелся на Лизу: смоляная чёлка, глаза-смородины, милый вздёрнутый носик, розовая блузка с вырезом, подчёркивающая девичьи формы. Худышка налилась в приятную девушку. С гордостью показал Вадим Лизе своё музыкальное богатство. Поставил «Песню парагвайского петушка».

— Фи! — поджала Лиза губки. — Ничего особенного!

— Как так?!.. — сокрушённо воскликнул Вадим. — Да это же, это!..

— На вкус и цвет товарища нет! — отрезала она.

Расстались холодно. Он даже не пошёл её провожать.

Вечером с отверженной пластинкой отпра-

вился на очередную программу музыкального салона. Как всегда, пришёл первый. Однако гремел стерео. В своей дирижёрской амуниции Матвей Пантелеич с упоением слушал какую-то какофонию. Вадим воспитанно кашлянул, тот обернулся, осклабился:

— Вот это настоящая музыка! Штокхаузен!

— Грохот, шум какой-то! — возразил Вадим.

— Пардон-с! — с поклоном язвительно произнёс Гасперин. — Тяжёлый случай! Ты ещё не дорос до этого!

— Как же так? У вас же мелодийные программы!

— Ничто так мешает видеть, как точка зрения! Ваша обывательская кочка зрения. Ничего, я приведу вас от приторно-слащавой чайковщины к настоящей, великой музыке! — увидев у Вадима пластинку, закричал: — И ты это дерьмо слушаешь?! Разбей её!

Вадим побледнел и спрятал пластинку под мышку:

— Откуда вы знаете?

— Я знаю всё! Поживи с моё!..

Оглушительное превращение милейшего Матвея Пантелеича в непонятное, злобное существо повергло Вадима в смятение. Прижав пластинку к груди, убито побрёл из салона. Вслед неслись крики:

— Для вас, смертных, Штокхаузен непостижим!..

Потрясённый, Вадим всю ночь не мог уснуть. Что-то непонятное происходит с музыкой в его понимании. Он уже много слушал её, чтобы судить о ней, и признавал только мелодийных композиторов: Вивальди, Баха, Моцарта, Бетховена, Чайковского. Первые же звуки этой музыки завораживали. Сначала впечатляла и другая, потом быстро сникала, иссякал родник мелодии. В поисках её исторгается несметное количество импровизаций, экспромтов, этюдов. Серятина, сотни безликих сонат, квартетов, симфоний, вторичных, третичных... Слепые шараханья в поисках мелодии...

Мелодия — душа музыки. Она нисходит свыше как благодать к сердцам, открытым для неё. Это сердца гениев, и музыка их первородная, не вымученная, не натужная.

И как бы ответом на правоту Вадима газета «Культура и жизнь» опубликовала статью извест-

ного музыковеда. В ней он разнёс экспрессионистов и авангардистов от музыки: Густава Малера и Карла Штокхаузена. Малера причислил к ренегатам. В первой симфонии от пейзажного импрессионизма тот впал в суматошную экспрессию. К «заводчанам» музыковед язвительно отнёс Штокхаузена. Потуги свои этот авангардист навеличил «конкретной музыкой». Конкретнее быть не может: лязг, скрежет, грохот металлургического завода. И кожилиться не надо над какой-то гармонией. Перенёс на ноты заводскую каба-фонию. Сушій плагиат! И этот хаос преисподней прогрессисты от культуры назвали новаторством, свежим модерном. Авангард, который тащит в бездну. Антимузыка!.. «Красота спасёт мир!» — сказал русский гений. «Анархия — мать порядка!» — глумятся над ним безродные существа. Но то, что не продолжается в вечности, заканчивается само собой.

Задай вопрос, и ответ будет. Стало быть, Шевелёв прав. Существо Гасперин, похоже, тот же Каспер, Агасфер. Внедренец ниоткуда.

С волнением заполнил Вадим на почте заказ на грампластинки Посылторга: Вивальди. «Времена года»; Моцарт. «Маленькая ночная серенада»; Глинка. «Вальс-фантазия»... Любимые, мелодийные композиторы.

Пришёл домой — на полу осколки грампластинки! Кто-то побывал в квартире и разбил «Песню петушка». Подкралось подозрение: неужто Гасперин, Агасфер?! Дверь была заперта — как он мог проникнуть?.. Может, пластинка сама упала с полки и разбилась? Потёр виски, чтобы не впасть в сумасшествие, и начал с болью склеивать «Песню парагвайского петушка»...

— Гонку выиграл Геннадий Гудков, Советский Союз! — блажил Гутан, гоня на гоночном велике и размахивая содранной афишей музыкального салона. Со страшной скоростью врезался в человека, по-музыкантски одетого, похожего на стрижа. Тот с криком: «Отдай афишу!» — бросился наперерез и, сбитый, упал замертво.

Чемпиону по шоссейным гонкам Геннадию Гудкову дали шадящий срок — шесть лет.

Руководителя музыкального салона Дома культуры железнодорожников Гасперина Матвея Пантелеймоновича хоронили под звуки духового оркестра, игравшего «Похоронный марш» ненавистного покойнику Шопена.

Умудрённый жизненными обстоятельствами Вадим Шевелёв вслед похоронной процессии бросил фразу: «То, что не продолжается в вечности, заканчивается само собой!»

БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИЙ

рассказ

— «Эй, туманы мои, растуманы!..» — вздохнул Афанасьев.

Опять давление подскочило. Из-за всякой ерунды скачет. Местный ФК снова продул. Фук-клуб, шарашкина командёшка. Вылетят жалкие футбольёры из премьер-лиги. Все нервы болельщикам поистрепали!.. А тут ещё еврезидент-попрошайка! Красуется на кинофестивалях, разъезжает по европам, клянчит бомбы, чтобы обрушить на Россию. Какой Нострадамус мог предвидеть такую дичь! Сидят в масонских лужах ротшильды-рокфеллеры, потирают сатанинские лапы: стравили славян, православных. Пусть убивают друг друга! Пусть исчезнет Россия, верная Христу! В гей-Европе Его давно уж предали. Едут к прихвостню юдо-англо-саксов макроны, шольцы фоткаться с ним на Крещатике. Еврей — в вышиванке! Последыши Гитлера бандеровцы учиняли евреям холокост. А теперь жертвы заодно с палачами. Звериная ненависть к России. Адово племя! Дудаева шлёпнули. А этого, племенного, не трогают. Договорняк. Невообразимое изошрённое иезуитство! Олихарки всех стран, соединяйтесь!.. Перевелись герои на Руси?.. Зрелищные девки, безголосые козлетоны скачут по сцене, изображая певцов.

— Чего они скачут? — спросила Ольга Петровича супруга Зина, кивнув на телевизор.

— В движущуюся цель трудней попасть! — отшутился Афанасьев. — Антиллерией из туфлых помидор и яиц! Гля, Зин, чо в телевизере деется!..

— В телевизоре — одно, — горестно скрестила руки Зинаида, — а вот что с тобой происходит?

— С нетерпением жду объяснение, дрожайшая супруга Зинаида Семёновна, — заёрничал Афанасьев.

— Дуркуешь, слова коверкаешь: колидор, куфня, коклетя, кохфе... Юродствуешь. Олег, что мы тебе с Зоей плохого сделали?

— Всей стране плохо!

— При чём тут страна? У нас семья!

— Неполная. Семья — семь «я»!

— Зачем задираешься, Олег? Задира — грешник!

— Будешь тут грешным! — пробурчал Афанасьев. Достал из кухонного шкафа фронтальную отпову фляжку: — Ты честно защищал Родину, Пётр Григорьевич! Да упокой душу твою Господь! — он хлебнул сухого винца. — Нонешние хвашисты-диверсанты на Брянщине в приграничной деревне учинили стрельбу. Нету границы! Беззащитная деревня. Перед войной на границе с Маньчжурией Никита Карацупа со своим верным Индусом задержал и уничтожил около полтыщи диверсантов! Вставай, Никита Фёдорович, на защиту русских деревень! На защиту президента! Летал над кремлёвской резиденцией диверсант-дрон. Президент не пострадал. Электорат ахнул. Главковерх успокоил: «Ничего, мы ещё не начинали. Примем ответные меры!..» А ребята гибнут. «Ящик» битком набит Зеленским. Иуда лезет во все щели. Самая популярная гнида. И в столице паразитов развелось! Иноагенты, пятые колонны... Страна должна знать «героев»! Не станут же соплеменники Познера, повелевающие «канализацией», называть самих себя. Хуцпа — вседозволенность. И безнаказанность. За курительную отраву вейп натаскивают малолетних диверсантов поджигать релейные шкафы на ж/д. Ужаснулся бы бедный Денис Григорьев, чеховский злоумышленник. За что сложили головы юные герои Валя Котик, Володя Дубинин, Марат Казей?.. Да-а... — тяжело вздохнул Олег Петрович, отпил из фляжки, махнул в сторону телевизора: — Вишь, Зинуль, продажа открыта на проблемную ногу с выступающей косточкой. А у тебя она выступает?.. — нагнулся посмотреть и закричал: — Кыш, ядрёнамышь!

— А-а!.. — возопила жена; чуть со стула не упала, затряслась от страха: — Бы-ыши ме-егают!..

Дочь была в своей комнате за компом — так услышала, вбежала к ним испуганная:

— Что стряслось? Мама! Папа!

— Испужал я её мышой, — пояснил Олег Петрович.

Зоя обняла мать и вскинулась на отца:

— Это не есть хорошо, папа! Мы, женщины, боимся...

— В стране трудности, а они мышей боятся! — насмешливо проворчал Афанасьев.

Олег Петрович был в прихожей. Порылся в кладовке. Надел вытасканные оттуда войлочные боты на липучках, кургузую стёганку на синтепоне, клювастую козырку — бейсболку. Старик из нафталина!

А дочь в своей комнате тщила научить мать компьютерным премудростям:

— Это «рабочий стол», мама. На нём иконки, в основном по моей работе...

— Иконки?! — возмутилась мать.

— Ладно, ладно, значки, — успокоила её дочь. — Входим в сеть, в интернет. Эмейл, смотрим почту: «Входящие». Вау, письмо! Открываем: энтер. Запоминай, мама!

— Энтер.

— О'кей, ты у меня супер!.. Фи, квитанция на оплату «Ростелекома»...

Олег Петрович заглянул в Зоину комнату, вежливо кашлянул:

— Дико извиняюсь, конечно! Напужал я вас давече, ведь у вас на столе у компьютера тоже мышка бегаёт.

Компьютерщицы оторопели.

— Да, это имеет место быть, — непонятно объяснила Зоя и отмахнулась: — Да ну тебя, пап! Не мешай!

— Ты куда это такой вырядился, красавец? — ехидно спросила Зинаида.

— Не отвлекайся, мама, — оборвала её дочь. — Продолжим!..

Афанасьев засунул в карман куртки недопитую фляжку.

— Ну, потёпали, — скомандовал себе, — восемь на семь! — и, пришаркивая, пошел на улицу.

Октябрь вспыхнул золотом, кленовые «звёзды» кружились. Птицы, волнуясь, кричали перед дальним полётом. Афанасьев вдохнул све-

жий воздух с горчинкой палой листвы. Веяние снежной студёности... Север седой за рекой, за холмами. Скоро завьюжит.

Олег Петрович хранил в сердце свой заповедный затишок, куда направлялся. Сердечность эта как бы сберегала заросль осокой среди высотных «кукурузин». Его живой уголок природы украшал мшистый валун. Сидя на нём, сладко и тяжело думалось с разлюбезной фляжечкой. Её Олег Петрович наполнял из тетрапака «Монастырской трапезой». Ежи монахам-воздержникам позволятельно вкусить сухонькое вино, то простому рабу смертному такая трапеза только на пользу. Даже домочадцы не возбраняют.

Уютное у него заветное гнездышко! Весёлые бульки из фляжки греют душу. Жёлтые листья шуршат, опадают. Такая благодать!..

Гулкие радостные крики, смех, визги детишек на качелях в отдалении в «колодце» из высоток... А слышались так, будто рядом.

Улыбнулся Афанасьев: вспомнилось, как его Зоенька, большенькая уже, играла в учительницу. Надела отцовские очки, да они соскользнули и разбились. Подошла к отцу:

— Папа, а правда, что на зло нельзя отвечать злом?

— Конечно, доча, нельзя! Потому что зло становится больше. На зло добром надо отвечать, тогда добра будет больше.

— А я твои очки разбила, дай на мороженку!

Маленькая хитрованка! Опять улыбнулся.

Теперь, выйдя из образа чудаковатого старца, молодежато пошагал Олег Петрович в магазин. Купил пару пломбиров — хотел было дома одарить гостинцами любимых.

Когда в квартиру вошел, жена с дочкой по-прежнему сидели за компьютером.

— Виноват, молод, вот исправился! Угощайтесь, отдохните от сайтов, — протянул им угощение.

— Не мешай, Олег! — отрезала жена, вперившись в монитор. — У нас с дочей мастер-класс!.. Положи в морозилку.

— Ну-ну... — вздохнул Олег Петрович. — Хотел как лучше, получил по заслугам.

Поплёлся обратно в свой уютный одиночества. Мужик пьёт с горя, или от радости, или от нечего делать. Хлебнул из фляжки, выдохнул: «По заслугам!..»

Да-а... Сколько наподличал, нагрешил!.. Любого тряхни — столько дрянного посыплется!.. Глубинные страхи, тайны таятся и судно являются по своему соизволению...

И у него было дело... В тот год рано, в начале мая, вскрылось озеро. Друзья — Олег и два брата — пошли открывать купальный сезон. Пара бутылочек «водовки», по беляшу. Парни крепкие, понуждали по одной, второй, третьей и кинулись охлаждать разгорячённые тела. Барахтались, плавали, брызгались, ныряли!..

Вышли из воды двое. Третий пропал. До глубоких сумерек искали. Домой вернулись, надеясь, что сам нашёлся. Одежду его на всякий случай оставили на берегу. Три дня следяки с собакой искали в голых ещё тальниках по берегам. Водолазы всё дно небольшого, без течений и круговертных омутов озера в мелких окатышах обшарили. Как сквозь землю провалился! С пристрастием допрашивали брата и друга. У тех и догадок не было: выпили-то немного. Они лишь со слезами в отчаянии разводили руками.

В городе от дома к дому переползали слухи и подозрения... Брат брата убить не мог. Оба симпатичные, девчонки на них заглядывались. Старшой-то вообще Алён Делон! А Афанасьев — невзрачный, неказистый плюгаш. Зависть, поди, разожглась. А может, с младшим сговорились. Шерше ля фам! Девчат не поделили...

Озеро сокрыло тайну, но не вину. Необъяснимо, внезапно подступала она к сердцу Олега Петровича. Вновь и вновь мучил вопрос: что же произошло в тот роковой день на озере?.. И всякий раз безумие смягчало судную вину: а вдруг не утонул, разыграл это, и он жив... Без вести пропавший. И сумасшествие это ещё больше угнетало Афанасьева...

Подличание, предательства, неотвязные осуждения верхов и низов — эти грехи изнуряюще выматывали душу его. Исповедовался, причащался — становилось легче. И опять всё тяжело наваливалось, до слёз.

Пока Петрович работал, не до самоедства было: с доски почёта не слазил. Фотограф подретушировал плешь и ярко выразил художественный образ несгибаемого передовика производства Олега Петровича Афанасьева. Не одну плеяду первоклассных токарей из зелёных юнцов

выпестовал опытный наставник. Девчушку прикрепили к нему, ПТУ окончила. В халатике, косыночке, голенастенная курноска Зиночка. До шестого разряда подопечная доросла, до знатной фамилии — Афанасьева. Ценили Петровича на заводе. Полетит какая деталь — из отпуски вызывали. На пенсию ушёл — ночь-в-полночь прибегали. Мастер-золотые руки. ДиПы и ЧПО были подвластны. Нагрязнули цифровые технологии и всё забурное... Подал тогда сам в отставку. Да и ноженьки подустали: токарь же целую смену на ногах. И глазоньки «ювелирные» не остры. Не пригоден к токарной службе. Не бегали уже за помощью к старому Петровичу. Не нужен стал.

А у Зинаиды подагра образовалась из-за токарного стояния.

Дочь Зоя, начальница почты, родителей сманила к себе. Мать — сортировщица, отец — подсобный рабочий, на погрузке, на подхвате. «Семейный подряд» быстро притомил Афанасьева. Дома мозолят глаза друг дружке и здесь. Да и характер испортился. Вредничать стал. Обидчивый, как ребёнок.

Многие заводчане, старые рабочие, выйдя на пенсию, не у дел померли. Скольких товарищей Афанасьев похоронил!.. И сам захандрил, скис. Былые грешки и грехи назойливо лезли в память.

Местный батюшка сказывал Афанасьеву про Лотову жену. За непотребства Господь сжёг Содом и Гоморру, дабы зараза не распозлась по миру. Спас праведного Лота с семьёй и велел не оглядываться на проклятые города. А жена Лота что-то вспомнила такое и оглянулась на грешное пепелище. И превратилась она в соляной столп. А тут угрызения на костёр совести Афанасьева тащат!.. Совсем захирел, слёг, хоть вроде и не хворал...

К этому времени своей придурью натоптал полосу отчуждения. Очужело на тоскливом одре смотрел на жену и дочь. Зинаида безучастно сновала по квартире. Маленькая собачка до старости шенок. Без возраста. Она и он, Афанасьев, — оба не вышли росточком.

Дочь превзошла все ожидания. На детях гениев природа отдыхает, детей родителей беспотанных порой возвышает. Зоя статная, приглядная, с гордецей, отпугивающей ухажё-

ров. Как-то красовалась перед зеркалом, отпрянула, заметив отца:

— Это грех, наверно, папа, считать себя красивой?

Чтобы унять вредную гордыню дочери, ответил:

— Это не грех, доча, а заблуждение.

Обидел Зоеньку. Сколько обижал её и Зину! Негодник!..

И вдруг в едком тумане самоосуждения услышал колыбельную:

*Зоенька-заинька,
Баю-баю баиньки!
С папой по тропинке шла
И волшебный сон нашла!
Маме с папой Зоенька
Светит, словно зоренька!*

— нежным голоском, сидя у его изголовья, пела дочурка.

Эту самодельную песенку и сам он напевал любимой кровиночке. Вскинулся Афанасьев, со слезами обнял дочку. Мать подросла. Все трое прослезилась...

А прежде обе — мать и дочь — ходили к батюшке. Печалились: болеет родненький, врач не помогают.

— Дочь моя, пел тебе отец в детстве колыбельную? — спросил батюшка.

— Да-да, пел! — радостно закивала Зоя.

— А сейчас ты ему спой! — посоветовал батюшка.

После той колыбельной и ожил Олег Петрович, выздоровел. Аппетит появился, «Монастырскую» свою пригубил.

Радостная, побежала Зоя в церковь:

— Спасибо, батюшка! Хворь у папы как рукой сняло!

— Уныние — тяжёлая болезнь, — пояснил батюшка. — Только любовь излечивает её.

И Афанасьев любит дочь и жену, родненьких своих, да омрачает их своими глупостями. Э-эх!..

Всё сидел и сидел Петрович в затишье на мшистом валуне... Пропустил бульку-другую из фляжки. Кругом замаять желтолистая. Листву волгую ветерок к ногам Олега Петровича подгрёб. Со снежной крупкой. На севере, поди, уже всю метёт, подумал он.

Громада нависла над Афанасьевым: полици-

онер в мышастой форме. Права начал качать:

— В общественных местах алкогольные напитки распивать запрещено! Гони штраф!..

— Это общественное место? — удивился Афанасьев, глянул на сержанта снизу вверх: — Охвицер, тебе бы на фронт! Вон какой вымахал!..

— А-ах!.. — обрадовался тот. — Оскорбление при исполнении!.. — Зловеще побарабанил дубинкой по икрной ладони.

— Что, бить будешь? — Афанасьев стянул с головы козырку.

— Ты что, дед, только не кричи!.. — и серая гора испарилась.

Рой колких снежинок осыпал лицо. Афанасьев надел козырку задом наперёд. Допил вино, пошёл домой.

Жамкала, плюхала бельё стиральная машина, чавкала, взывала, когда замолкала, в «компьютерной» слышалось шушуканье. «Чего это они секретничают?» — насторожился Афанасьев.

Различил Зойкино:

— Да, это имеет место быть... Это не есть хорошо, мама. Будем смотреть. О'кей!..

«Шу-шу-шу...» — передразнил про себя кумушек. И вдруг обожгла догадка: хотят сбегать в дом престарелых! В интернете ищут, где дешевле. Допрыгался! Осточертел! Обуза!.. Обмерло сердце.

Стиралка засвистела, забурлила. Основательно Афанасьев снарядился в путь. Вылил во фляжку зашхеренную бутылку «Столичной». Отломил краюху черняшки. Положил провиант в перемётную сумку-брезентушку. Надел пыжиковую шапку — красу и гордость юнца Олега Афанасьева. Остальное вполне годилось для зимы: куртка и войлоки. Перекинул сумку через плечо, потоптался у порога, покашлял. Хлопнул дверью, не услышали. Не заметили исчезновения. И искать не станут. Без вести пропавший.

Подался он на север области. Там уже властвовала зима; она охладит его боль, заморозит.

На вокзале сел в электричку. Вагон дернулся, будто ударил в сердце, — поставил точку невозврата. Замелькал пригород, родные места, запорошенные. Рябь тоскою пробежала по озёрной глади. Припай уже начал стягивать берега. Роковое озеро...

После пропажи друга ни разу не побывал на нём Афанасьев. И мнилось ему, что явится во сне пропавший и откроет тайну... И тогда жить будет легче, и сожжённые грехи не поползут из пепла. Иисусовой молитвой отогнал настырников — одного, другого... И последний, отдаляющий от семьи.

«...Нет ничего лучше частной жизни!» — прозрел один общественный трибун, ставший домоседом. А он, домосед Афанасьев, похерил вечную мудрость. Мнительный старикашка, полёт большой фантазии. Улёт от прожитого, от жизни.

Анекдотец вспомнился.

— Доктор, какой диагноз? Я буду жить?

— А смысл?..

Дробно стукнула электричка, вгоняя в сон. В дымном видении проступила тень. Наметились очертания балахона. Ангел смерти!.. В капюшоне проявился скорбный лик. Знакомые черты...

Трень-брень!.. Как некстати! В вагоне патлатый пузочёс брэнчал на гитаре и жалостно тянул самодельщину:

*Разминулись, разлетелись
Вьюги на развилке,
Закружили канители,
И ни зги не видно.*

*Заблудился в тьме кромешной
Путник запоздалый,
И смирился странник грешный —
Так душа устала!..*

*Вынул фляжку из котомки
И кусок черняшки,
Вот и кончился в потёмках
Путь убогий, зряшный.*

*И вдохнул глоток последний
Из помятой фляжки.
Покатился вечер летний
В васильках-ромашках...*

*Сколько, сколько в чистом поле
Вот таких заблудших.
Бродят в маетной доле
Призрачные души...*

Бард пошёл по вагону, собирая скудный гонорар. Слушателей мало, со снегом дачный сезон кончился. Афанасьев сунул барду полусотенную, спохватился: деньги-то ему уже не понадобятся. Хотел догнать парня, отдать всё, да поленился. Так уютно надышал Петрович в своём вагонном уголке! А за окном метельные взлетали поля, сливаясь с небом.

Былинка прильнула к окну. Скользнула, тоненько пропев скрипочкой, и упорхнула в поле. Слово звала. Бард обострил боль. Былинка — точно оголённый нерв. Жизнь прожить — и в поле уйти!..

Рванул Афанасьев стоп-кран. Состав с лязгом содрогнулся. «Гильотинная» дверь отшатнулась. Афанасьев спрыгнул под откос. Электричка взбудораженно загудела, будто пчелиный рой. В спину Афанасьеву понеслись проклятия машиниста.

Равнина снежно блестела, ослепляя. Шалая позёмка, играя, унеслась вдаль и выюжно запела. Арбузный запах первых снегов смели полынные духи с елани. Бродяга с блаженством шёл по колёно в рыхлом снегу, вдыхая неоглядное пространство. Вознося руку, словно держась за воздух, за облака. Человек измеряется не с ног до головы, а с головы до неба.

Долго брёл ли, коротко по бескрайней целине... Ни времени, ни горизонта. Белая пустыня... Замерзала золотистая полоска. То не отблеск зари — золотая роща не сбросила ещё свой наряд. Огонёк вспыхнул на белом полотне елани: мышковала огнёвка. Изящно выгибала спину и грациозно прыгала, словно играла с мышвой, прячущейся под снегом. Залюбовался лисонькой Афанасьев. Осел в шубный сугроб, наметённый у краснотала и чапыжника на краю буерака. Горький запах полыни, терпко-пряный — таволги. Вынул из сумки фляжку, краюху чёрного хлеба. Насладился глотком водочки, закусил ржаной корочкой. Лепота!..

Подоспел анекдот... Полная безнадёга! Работы нет, дома Тигра Львовна загрызла. Закрылся в туалете. Туго привязал верёвку к стояку. Накинул на шею петлю. Прощай, жизнь!.. На полке чинарик — сын недокурил сигаретку. Курнул, почмокал. Полстакана различил на полке — замахнул, крикнул довольно. Снял с себя верёвку: а жизнь-то налаживается!

Да-а... Жизнь такая длинная, столько совершил ошибок, и такая короткая, что не успел исправить. Помимо прочих грехов — последний, смертный. Придумал себе ямщицкий сон: «В той степи глухой замерзал ямщик...» Эвтаназия. Самоубийство. Великий грешник!.. Плачь, палач своей судьбы! Слеза скатилась по щеке...

В чистом поле послышался Афанасьеву детский плач. В снегу неуклюже прыгал зайчонок. За ним брёл, шатаясь, как пьяный, лисовин-бешенец, облезлый, в ключья грязной шерсти. Афанасьев зажал в руке фляжку — холодное оружие. Из ёлочной гривки выскочил волк. Намётом, взрыхляя снег, налетел на бешеного лиса. Широкой грудью сбил и уволок в чертополох. Санитар леса! Перепуганный, ослабевший зайчонок уже не прыгал, подполз к человеку. Афанасьев снял шапку и положил в неё дрожащий комочек. Листопадничек. Летошние — травнички — выживают, а поздненькие обречены.

Сугроб набуранило берложный. Ворочаясь, вмялся в него Афанасьев. Согревая дыханием руки, вырыл «берлогу». Руки без варежек закоченели: дома забыл. Дома... Кольнуло сердце. Прохрипел:

— Вот мой дом! А, заяка?..

Погладил приёмыша, положил на колени. Надел шапку, растёр снегом руки.

— Что-то, заяка, стал я зябнуть, не пора ли мне дерябнуть?!

Погладил фляжку, отпил из неё. Ласково потербил лопушки зайчика. Вздрагивает во сне, всхлипывает, словно дитя. Натерпелся, бедненький. Малипуська, а столько тепла от него! И природность. Многие звуки и запахи различимы...

Лезет шатун на лабаз. А хитрый охотник приготовил расправу: на ветке повесил вязанку дреколье. Задел топтыгин верёвку — и обрушились на него острые дреколья. Ревёт побитый ворюга. Не сунется больше! И другим расскажет. Живо увиделась Афанасьеву забавная картинка...

Другая вообразилась. За холмами, перелесками, в крестьянских избах тёплых семьи ужинать сели. Наваристый борщ с золотистыми блёстками жира, жареная картошка с лучком

на сале шкварчит на сковородке. Собаки мечутся и лают, разбрасывая миски с едой. Близко волчий запах...

Вьюжный вой вынет душу. Или волчий... Сумерки. Пора между волком и собакой. Тревожность. Вернётся ли серый соседуско за человеком и зайчишкой?..

Везут санитары мужика на больничной каталке.

— Куда вы меня везёте?

— В морг!

— Да я ещё живой! — в ужасе закричал мужик.

— А мы ещё не довезли, — спокойно отвечают санитары.

Невесело усмехнулся Афанасьев:

— Так и я и жив, и мертв.

Зашевелился зайчонок, потешно приподнял ухо, словно прислушиваясь, и снова свернулся в клубок.

— Зоенька-заинька, баю-баю баиньки!.. — начал дочкину колыбельную Олег Петрович.

Тяготы душевные и телесные сморили его. Стал засыпать.

Ангел смерти явился: знакомые черты. Заговорил он:

— Я оказался подо льдиной. Толкнула к вымоине под выворотнем. Наползла на дерновину с корневищем и стала могильной плитой. Брат видел моё погребение. Я был ещё жив. Я

и теперь живой! Произрастаю деревом. И ты растворишься в талых водах. И будешь произрастать травой!.. — леденящий голос завершил приговор.

Афанасьев сделал из фляжки последний глоток. «Покатился вечер летний в васильках-ромашках...»

Зайчонок укусил палец уходящего от него человека.

— Ах ты, лопухий зверёныш! — Афанасьев слизал с холодного пальца кровь — тёплую, солонуватую, живую, сладкую!..

Издадека-далёка ветер донёс крик электрички. Отступивала чечётку. Звала с собой...

Владимир Николаевич ВЕЩУНОВ

родился в 1945 году.

Окончил художественное училище и педагогический институт.

Работал дизайнером, воспитателем детского дома,

учителем в рыбацком посёлке Приморья,

редактором Дальневосточного книжного издательства.

Публиковался в литературных журналах.

Автор книг повестей и рассказов.

Член Союза писателей России.

Живёт в Нижнем Новгороде.

